

P. THONEMANN (ed.). *Roman Phrygia. Culture and Society*. Cambridge, 2013. 300 p.

11–12 июля 2011 г. в Оксфорде в Водэм колледже (Wadham College) состоялась конференция, посвященная теме «Анатолийское общество». Это событие было организовано участниками двух проектов (MAMA и LGPN¹), финансируемых британским Советом по исследованиям в области искусства и гуманитарных наук (the Arts and Humanities Research Council). Доклады, прочитанные на этой конференции, были опубликованы в двух сборниках статей: «Личные имена древней Анатолии» под редакцией Р. Паркера (*Personal names in ancient Anatolia*. Oxf., 2013) и «Римская Фригия. Культура и общество» под редакцией Питера Тонемана, специалиста по эпиграфике и исторической географии Анатолии, который возглавлял команду исследователей, издавшую XI том MAMA².

В рецензируемый сборник вошли материалы, посвященные различным аспектам социальной и культурной истории Фригии римского времени, преимущественно периода Ранней империи. Сборник включает в себя 11 статей, обширную библиографию (с. 265–296) и общий указатель. Среди его авторов есть и выдающиеся ученые, как, например, Стивен Митчелл и Клод Брикс, и менее известные исследователи.

В предисловии П. Тонеман знакомит читателей с основными характеристиками Фригии как историко-географической области. С точки зрения физической географии этот регион четко делится на две части (равнинную на востоке и гористое плато, так называемые Highlands, на западе), которые демонстрируют заметную разницу и в культурном отношении. В отличие от побережья Малой Азии, богатого многочисленными древними городскими центрами, внутренние регионы полуострова можно назвать «землей деревень». Однако это отнюдь не означает, что населявшие эти пространства народы остались «людьми без истории» – из внутренних районов Анатолии происходит огромное количество эпиграфических источников, содержащих информацию и о населении маленьких городов, и о сельских жителях. Особенно многочисленны надгробные и посвятельные греческие и латинские надписи, из которых возможно почерпнуть информацию как о языческих культах, так и о различных течениях быстро распространявшегося в регионе христианства. История Фригии никогда не испытывала недостатка научного внимания, ведь с ней связаны самые разнообразные темы, важные для исследования древней Анатолии: историческая география Малой Азии, раннее христианство, администрация императорских владений, взаимодействие местных языков с греческим и многие другие. Работы, составляющие этот сборник, развивают многие темы, уже обозначенные в предшествующих исследованиях, а также ставят новые проблемы.

Первая статья сборника «Фригия: анархистская история, 950 г. до н.э. – 100 г. н.э.»³ написана П. Тонеманом и содержит краткий очерк истории региона в указанный период, а также сжатую, но весьма подробную характеристику его физической географии и природных условий. Для того чтобы «уместить» тысячу лет истории в один обзор, автор выбирает в качестве общей теоретической канвы своего изложения весьма экстравагантную концепцию «анархистской истории». Этот термин был предложен Джеймсом Скоттом⁴ в контексте исследования новейшей истории так называемой Зомии

¹ Последний том LGPN, две части которого уже вышли, а третья готовится к публикации, посвящен Малой Азии.

² Это издание включает в себя материалы, собранные Уильямом Колдером и Майклом Баллансом в 1954–1957 гг. Корпус доступен онлайн: <http://mama.csad.ox.ac.uk/index.html>

³ Об этой статье см. также *Bull. ép.* 2014, 459.

⁴ *Scott* 2009, 277.

(нагорья Юго-Восточной Азии на территории Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и Китая). Согласно его концепции, жители горных регионов избегают какой бы то ни было четкой социальной стратификации и не стремятся к «эффективному хозяйству» и производству «прибавочного продукта», тем самым отвергая саму идею государственности в привычном для всего «цивилизованного мира» смысле слова. А так как «горцы» населяют достаточно труднодоступные регионы, то до недавнего времени им удавалось успешно отражать попытки насаждения у них обычного для их соседей государственного и общественного устройства⁵. П. Тонеман пытается использовать эту модель для объяснения природы взаимоотношений жителей нагорий Фригии и административного аппарата государств, владевших этими территориями с момента падения древнефригийского царства. Именно этим феноменом «сознательного анархизма» автор объясняет такие явления, как утрату фригийцами собственной письменности (так называемую «постграмотность»)⁶, отмирание социальной стратификации (существовавшей, согласно археологическим данным, в древнефригийское время), распространение экстенсивного скотоводства и общее упрощение жизненного уклада. Плохо развитое военное дело и отсутствие элитарной культуры рассматриваются П. Тонеманом как еще одно следствие социального эгалитаризма и намеренного избегания государственности.

Далее автор обращается к различным аспектам процесса аккультурации местного населения в греко-римскую культурную общность⁷, указывая, что он протекал с разной скоростью в разных частях Фригии, причем настоящий перелом в пользу «эллинистической» культуры случился только в середине I в. до н.э. П. Тонеман подчеркивает, что быстрая урбанизация Фригии в раннее римское время носила поверхностный характер и не вызвала настоящего разделения на аграрный и городской сектора в экономике региона, и поэтому ее результаты так быстро сошли на нет во время кризиса Римского государства. Применение гипотезы об «анархизме» жителей Фригийского нагорья в качестве «идеального типа» общественного устройства дает автору возможность предложить достаточно интересную интерпретацию социальной истории населения этой территории от момента утраты им собственной государственности до вхождения в состав Римской империи, а также сохранившихся региональных особенностей этих земель в первые века нашей эры.

Статья Барбары Левик называется «На фригийский лад: взгляд на регион извне», однако автор на самом деле не ставит перед собой задачу реконструировать представления других народов о фригийцах и объединить их в общую картину. Б. Левик соотносит этот достаточно хорошо изученный литературный образ «фригийца» с основными мотивами саморепрезентации жителей Фригии, пытаясь понять, насколько эта внешняя репутация отражала реальность и чем она была вызвана. Автор начинает с перечисления некоторых базовых «фригийских мотивов» греческой мифологии и литературы (фригийская музыка, богатство Мидаса и др.), а также краткого изложения истории греко-фригийских культурных связей, однако основная часть статьи посвящена раннеримскому времени. Автор обращается к вопросу о том, кого же можно было назвать «фригийцем» в эту эпоху, и приходит к выводу, что в условиях поражавшей еще древних авторов запутанности границ между областями расселения племен во внутренней Анатолии ответ лежит скорее в области самоидентификации жителей, чем в строгих этнолингвистических определениях.

В статье уделяется много внимания особой роли религии в фригийском обществе, которая, судя по всему, взяла на себя некоторые «светские» управленческие функции и сохранилась и с утверждением в регионе христианства. Б. Левик выделяет два взаимосвязанных, хотя на первый взгляд и крайне различных, типа религиозности, присущей фригийцам: хорошо известные древним авторам и популярные далеко за пределами региона экстаические культы Кибелы и связанных с ней божеств, – с одной стороны, и менее «знаменитые» и яркие деревенские религиозные практики с достаточно строгими нравственными ограничениями, иногда включавшие в себя обряды публичного покаяния, – с другой. Оба эти типа схожи в том, какую высокую общественную роль они отводят религиозным властям. Вместо использования полисных или римских административных институтов, фригийские общины частично передавали их функции культовым организациям. На этом фоне возникновение многочисленных «ответвлений» раннего христианства во Фригии не кажется удивительным, а именно этим «сересям» и обязаны фригийцы своей «плохой репутацией» в византийское время.

⁵ Проще говоря, государство в такой ситуации должно было бы затратить больше средств и усилий на полное подчинение этих регионов, чем могло бы извлечь из них прибыли.

⁶ Автор специально отмечает, что исчезновение фригийского письма не является частным случаем исчезновения анатолийских эпихорических алфавитов в III в. до н.э., так как оно вышло из употребления до македонского завоевания.

⁷ Например, самоидентификация некоторых населенных пунктов как «полисов», чеканка медной монеты, городская архитектура, обычай постановки публичных и частных надписей и др.

Б. Левик приходит к выводу, что греческий стереотип представителей этого народа как глупых и ленивых людей резко противоречит тому, какие человеческие качества (а именно – трудолюбие и благочестие), судя по эпитафиям и надгробным рельефам, ценились самими фригийцами выше остальных. Как отмечает сама автор, нельзя с точностью утверждать, были ли фригийцы в основной массе знакомы с произведениями греческой литературы и/или стереотипами, представленными в них (в эпитафиях, по ее словам, можно найти аллюзии только на Гомера). Что же касается причин появления негативного образа фригийцев в греческой и римской литературе, то исследовательница считает, что они кроются в замкнутости жителей Фригии и их неспособности защитить себя от внешней агрессии. К сожалению, Б. Левик хотя и резюмирует в общих чертах этот совсем не однозначный «образ фригийца», существующий в греческой и римской литературе, но не прослеживает подробно его развития во времени, поэтому ответ на поставленные ею вопросы – как представления о фригийцах соотносились с реальностью и чем они были вызваны – как бы повисает в воздухе. К тому же, утверждение, что реальный облик какой бы то ни было этнической группы не сводится к внешним расхожим негативным стереотипам, представляется не требующим отдельного рассмотрения и обоснования.

Статья Клода Брикса «Личная ономастика римской Фригии»⁸ посвящена личным именам, которые были распространены во Фригии в римскую эпоху. Начиная с краткого очерка истории миграций фригийцев, происхождения их языка и общественного устройства Фригийского царства, исследователь рассматривает ономастику древнефригийского, персидского и эллинистического периодов и анализирует влияния на нее со стороны соседних анатолийских, греческого и персидского языков. В римское время земли исторического расселения фригийцев были разделены между провинциями Азия, Галатия и Вифиния и Понт. В это время в ономастике многих областей Анатолии можно отметить не только ожидаемое появление латинских имен, но и унифицирующую тенденцию с преобладанием имен греческого происхождения (К. Брикс называет этот процесс koinefication). Автор ставит перед собой вопрос: можно ли проследить эту тенденцию во Фригии? Для решения этой задачи он использует выборку надписей из собственно Фригии и Галатии⁹. Автор пришел к выводу, что, несмотря на сохранившуюся этническую идентичность обитателей Фригии (о которой свидетельствуют, например, неофригийские надписи), в их ономастическом фонде осталось крайне мало собственно фригийских имен, причем доказать их фригийские корни представляется невозможным. Только одно имя – Цюв – определенно имеет древнефригийское происхождение. Эти «древние» имена не пользовались популярностью, а более распространены были общеанатолийские имена, особенно так называемые Lallnamen. Греческая ономастика безусловно доминировала во всем регионе, даже в самых отдаленных сельских областях. Римские имена присутствуют в надписях в достаточно большом количестве, но в основном в городских центрах. Спорадически встречаются также имена с персидскими, семитскими и кельтскими корнями. К. Брикс объясняет такое отличие Фригии от некоторых других малоазийских областей, например Писидии, сохранивших свои традиции именования в римское время, тем, что центральные территории Анатолии в течение шести-семи веков стали ареной непрерывных завоеваний, миграций и переселений, а также были более пригодны для аграрной колонизации.

Уте Кельп в статье «Надгробные памятники и местная идентичность», разделенной на две достаточно самостоятельные части, обращается к вопросу о самоидентификации жителей различных регионов Фригии. В первой части работы автор рассматривает происхождение и социальную функцию надгробий, изображающих двери (так называемые Türsteine, doorstones) и различия между типами надгробий, характерными для разных областей Фригии¹⁰. У. Кельп приходит к выводу, что эта малая архитектурная форма, считающаяся уникальной особенностью региона, восходит, скорее, к изображению дверей на саркофагах докеимейского типа, ориентированных на греческую культурную традицию, чем к древнефригийским монументальным «дверным» фасадам, вырезанным на скалах. Автор прослеживает распространение «надгробий-дверей», отмечая, что они появляются раньше, в I в. н.э., в более развитых центрах, например, в Айзанах и Дорилее, а на востоке они приобретают популярность во II в., когда в Западной и Центральной Фригии эта мода уже прошла. По мнению У. Кельп, «надгробия-двери», хотя и встречаются в основном во Фригии, указывают не столько на этническую самоидентификацию их владельцев, сколько на их социальный статус (представители

⁸ Об этой статье см. также Bull. ép. 2014, 74.

⁹ Список регионов, из которых происходят эти надписи, и корпусов, использованных в работе, приведен на с. 60–61; как отмечает сам автор, эта выборка не может быть названа безупречно репрезентативной, однако охватывает достаточное количество материала для проведения исследования.

¹⁰ Подробный каталог и анализ этого типа памятников содержится в специализированной монографии М. Вилкенса (1986).

наиболее зажиточной прослойки среднего класса). Более того, так как данный тип надгробия возник в подражание «греческим вкусам» представителей элиты, феномен «надгробий-дверей» отражает высокий уровень эллинизированности жителей Фригии в римское время и непосредственно связан с процессом урбанизации.

От частного примера проявлений местной самоидентификации У. Кельп переходит к более общему рассмотрению вопроса во второй части статьи, которая посвящена проблеме конструирования полисной идентичности в условиях быстрого распространения городской культуры. Многие населенные пункты Фригии стали городскими центрами (или, по крайней мере, стали именовать себя таковыми) только в римское время. Исследовательница приходит к выводу, что жители фригийских земель в римскую эпоху уже давно не воспринимали себя как представителей или потомков единого этноса. По мнению У. Кельп, идентичность этих людей жидзилась на их принадлежности к какой-либо конкретной общине и складывалась во многом по греко-римской полисной модели¹¹.

Статья «Фригийцы в рельефах: тенденции самопредставления» Джейн Массельи посвящена анализу рельефных изображений на погребальных и votивных стелах, происходящих из Центральной Фригии и долины верхнего течения р. Тембрис (совр. Порсук). Автор напоминает читателям, почему именно из этих регионов дошло так много такого рода памятников: добыча мрамора в докимейских каменоломнях сделала этот материал доступным для широких слоев местного населения, а не только для его более состоятельной части. Также она обращает внимание на региональные различия в качестве исполнения между сложными многофигурными рельефами на стелах из долины верхнего течения Тембриса и более простыми – из Центральной Фригии. Общей чертой для погребальных и посвященных стел является стремление заказчика включить в композицию рельефа свое изображение. По мнению исследовательницы, «нагромождение» фигур и предметов на фригийских стелах отражает стремление мастеров изобразить весь космос, от богов до животных. Таким образом, обращение к изображениям на фригийских стелах может быть полезным в изучении достаточно широкого круга вопросов, связанных с социальной историей (от таких очевидных тем, как одежда и профессиональная деятельность, до реконструкции биографий отдельных людей, внутрисемейных отношений, вопросов гендерной истории, религиозных представлений и др.). Рассматривая некоторые из этих тем, Д. Масселья демонстрирует, насколько важным источником для изучения повседневной жизни и самосознания жителей Фригии первых веков нашей эры являются изображения на стелах.

Еще одна статья главного редактора сборника П. Тонемана – «Домохозяйства и семьи в римской Фригии»¹² – посвящена исследованию структуры фригийской семьи и внутрисемейных отношений, которые автор реконструирует, основываясь на материале эпитафий. В данном исследовании также отмечается важность того факта, что, благодаря доступности мрамора, из центральной Малой Азии происходит большое количество эпитафий, оставленных крестьянами и пастухами, в отличие от других регионов римской ойкумены. Автор приходит к выводу, что большая семья была типична для сельской местности и гораздо менее распространена в городах, и при этом члены такой семьи объединялись в группы скорее по полу и возрасту, чем по принципу супружеских или родительских связей. Так, из текста эпитафий часто невозможно понять, кто из сыновей главы семьи женат на какой из «невесток» и чьими детьми являются упомянутые внуки. Само слово *vúμφη*, скорее всего, обозначает любую молодую женщину, ставшую членом семьи мужа, и употребляется в значении «жена», и «сноха», и «невестка». П. Тонеман рассматривает некоторые другие термины родства, встречающиеся в фригийских эпитафиях, а также исследует такие аспекты семейной жизни, как возраст вступления в брак, взаимоотношения между нуклеарной и большой семьей, усыновление, а также домашнее рабство. Здесь автор переходит к вопросу о *θρητοί*, к которому исследователи обращались достаточно часто¹³, и приходит к выводу, что этот термин, так же как и *vúμφη*, обозначает достаточно большую группу лиц и не может быть переведен одним словом как на английский, так и на латинский язык.

Как в начале, так и в завершении статьи автор подчеркивает, что несмотря на большое количество происходящих из региона надгробных надписей, их данные нельзя рассматривать как достаточные для каких-либо статистически обоснованных выводов, из них возможно извлечь только общее представление о семейной жизни населения Фригии в римскую эпоху¹⁴. Тем не менее, основываясь на

¹¹ Так, например, город провозглашал своим основателем какого-либо персонажа греческой мифологии, связанного с фригийцами/троянянами, чеканил монетные серии с изображением соответствующих мифологических сюжетов и т.д.

¹² Об этой статье см. также Bull. ép. 2014, 461.

¹³ Riel 2009 (с литературой).

¹⁴ Как пишет сам П. Тонеман, «the reconstruction of Phrygian families and households is an art, not a science» (p. 141).

разнице в терминологии семейных связей можно утверждать, по мнению П. Тонемана, что некоторые практики существенно различались в разных регионах Римской империи.

Хронологические рамки статьи Георгия Кантора «Право в римской Фригии: правила и судопроизводство»¹⁵ охватывают время от появления римского права в Анатолии (т.е. от момента образования провинции Азия) до реформы Каракаллы, когда система управления провинцией начала радикально меняться. Автор отмечает, что подавляющее большинство свидетельств о применении римского права в провинции Азия происходят из прибрежной зоны, в то время как источники по этой тематике для внутренних областей практически отсутствуют. Более того, важно помнить, что до реформы Диоклетиана Фригия как таковая не являлась территориально-административной единицей, однако была отдельной фискальной областью по крайней мере со времени Адриана. В статье приводится список фригийских городов, в которых проконсулы провинции когда-либо держали выездные сессии суда (Апамея, Синнада, Лаодикея, Филомелий и Эзаны – с. 153–155). Для каждого приводится список источников, из которых известно о статусе этого поселения как судебного центра. Однако в каждом из этих центров суд мог держать не только проконсул Азии, но и римские правители соседних провинций, а жители одного судебного округа могли отправиться в другой для получения судебного решения.

Тот факт, что северные земли Фригии вообще не посещались проконсулом, говорит о том, что там должна была существовать другая система судопроизводства. Эту лакуну могли заполнять суды прокураторов, которым были даны судебные полномочия в императорских владениях Клавдием. Однако остается непонятным, как именно работала «двухслойная» система выездных проконсульских и прокураторских судов (полномочия последних были ограничены проконсульской властью), а также как местные правовые традиции взаимодействовали с римской административной системой (о предпочтительности следования «местным обычаям» в судопроизводстве сообщает Плиний Младший – Ер. 10.113). В этом контексте автор обращает внимание на так называемые «исповедные надписи» (confession inscriptions) и «манумиссии» из святилища Аполлона Лербена, которые, возможно, отражают существование религиозных судов по крайней мере в некоторых общинах, а также связаны с феноменом *фрелтой* (этот термин исследователь рассматривает как социальный, а не юридический). Остается неясным, к какому времени местная специфика в правовом поле полностью сходит на нет, однако исследователь отмечает, что еще во II в. н.э. римские власти обращали внимание на постановления эллинистических царей.

Г. Кантор приводит также список юристов и адвокатов, живших во Фригии во II–III вв. н.э., известных нам из эпиграфических источников (с. 150), и отмечает, что в отличие от других регионов Римской империи здесь специалистами по праву становились люди не только из высших слоев общества. Также он обращается к некоторым спорным вопросам исторической географии Азии (например о том, к какой провинции принадлежал город Филомелий, и о том, какой город можно назвать главным в римской Фригии).

В статье «Эпиграфическое исследование об истоках монтанизма» Стивен Митчелл рассматривает группу погребальных стел («надгробий-дверей») с надписями на греческом языке из города Теменотюры, которые до этого определялись исследователями как монтанистские. Предваряя свое исследование кратким очерком истории монтанизма, автор сравнивает эту группу надписей с надписями из Эзан и пересматривает датировки надгробий из Теменотюр, данные включившим их в свой каталог М. Вилкенсом¹⁶. К анализу также привлекаются нумизматические данные. Упомянутые в надписях члены христианской общины города, семейную историю которых исследователь старается реконструировать, были уважаемыми людьми с высоким социальным статусом и не противопоставляли себя римской власти. Исходя из этого С. Митчелл приходит к выводу, что рассматриваемая серия надписей принадлежит, скорее, представителям ортодоксального направления христианства, чем монтанистам. Предлагается, что наиболее интересным выводом статьи является убедительная передатировка группы надгробных надписей из Эзан, в то время как заключение об их принадлежности ортодоксальной, а не монтанистской общине кажется обоснованным, но все же не таким однозначным: сам автор отвечает, что «...обе эти группы имели похожее происхождение, и их лидерами были заметные и состоятельные представители фригийского общества середины и второй половины II в. н.э.» (с. 196).

Эдуар Ширика в статье «“Крипто-христианские” надписи Фригии», также обращается к одному из важных вопросов истории раннего христианства – к вопросу о так называемых «крипто-христианских» эпитафиях. История возникновения этого термина и основные вехи изучения вопроса

¹⁵ Об этой статье см. также Bull. ép. 2014, 460.

¹⁶ Waelkens 1986, № 366–375; Митчелл приводит фото памятников и тексты надписей, сопровождая их списком предыдущих публикаций каждой.

приводятся в статье (с. 201–203). Исследователь отмечает следующую особенность Фригии: с одной стороны, из этого региона происходит очень большое количество раннехристианских надписей (датирующихся доконстантиновской эпохой), а с другой – отличить эти надписи от современных им языческих крайне сложно. Э. Ширика рассматривает известные эпитафические формулы начиная с тех, которые считаются бесспорно христианскими, а затем обращаясь к спорным и, наконец, к однозначно языческим. В результате анализа автор приходит к выводу, что сам термин «криптохристианские надписи» и противопоставление их «открыто христианским» (*phanero-Christian*) ошибочны: в эпитафиях религиозные взгляды покойного и его родственников не декларировались открыто («скрывались») совсем не потому, что представители христианских общин боялись враждебной реакции соседей и гонений римских властей. Напротив, христиане в этом регионе были хорошо интегрированы в городские и сельские общины и не настолько резко противопоставляли себя языческому окружению, чтобы пренебрегать местными традициями составления эпитафий, отражение *credo* усопшего в которые не входило.

Внимание Филиппа Нивёнера в статье «Фригийский мрамор и каменотесное дело как маркеры региональной самобытности в эпоху поздней античности» сосредоточено на археологических источниках. Несмотря на то что основная часть исследования посвящена периоду Поздней империи, автор старается проследить развитие процессов романизации, христианизации и регионализации на примере эволюции архитектурных форм и изделий из мрамора (например, капителей, литургической мебели, алтарных преград и др.). Мрамор из каменоломен близ фригийского Докимея, а также готовая продукция местных мастерских экспортировались по всему Средиземноморью. Ф. Нивёнер показывает, что продукция для местного потребления, с одной стороны, подражала образцам «на экспорт», ориентировавшимся на греко-римские вкусы, а с другой – с течением времени все больше и больше демонстрировала местную специфику. Это новое утверждение региональной идентичности пришлось на время кризиса III века и упадка урбанизма в регионе. К сожалению, следует отметить, что автором выбрана не очень удачная структура изложения материала: параграфы выделяются то по хронологическому принципу («Римское время», «Поздняя античность»), то по географическому, то по принципу типов построек или архитектурных деталей (причем не всегда понятно, почему тот или иной элемент декора, – например, пилястровые капители или алтарные преграды, – выделен в отдельный раздел). Читателю – не специалисту в проблематике статьи достаточно сложно проследить замысел автора, сделавший подобное деление текста необходимым.

Сборник завершается статьей Шарлотты Рушэ «История одной идеи: прослеживая истоки проекта МАМА», посвященной истории собирания и издания надписей из внутренних областей Малой Азии. Автор описывает различие между германо-австрийским и британско-американским подходами к исследованию древности, которое заключается в меньшей степени привлечения государственного финансирования (и, соответственно, регулирования) в последнем. Именно этим объясняется несистематичность публикаций эпитафических находок британских ученых-путешественников по Малой Азии. Статья открывается достаточно подробной биографией ученого, открывшего внутренние регионы Турции вниманию европейских исследователей и положившего начало собиранию древних и раннехристианских надписей из этих земель, – сэра Уильяма Митчелла Рамсея (1851–1939). Далее Ш. Рушэ рассказывает историю проекта МАМА, зародившегося в 1923 г. с возникновением частного «Американского общества археологического исследования Малой Азии» (*the American Society for Archaeological Research in Asia Minor*), первым крупным донором которого стал Джон Д. Рокфеллер. В статье даны хронологическая таблица всех предпринятых членами этого общества экспедиций и вышедших публикаций (с. 261–262), а также список неопубликованных материалов (блокнотов, дневников, фотографий и эстампажей), завещанных У. Колдером Абердинскому университету и хранящихся в его библиотеке (с. 263–264). Автор отмечает, что эти неразобранные материалы могут представлять интерес не только для исследователей античности, но и для специалистов по новейшей истории Турции.

Таким образом, сборник знакомит читателя с широким спектром вопросов, связанных с древней историей внутренних областей Малой Азии и рассмотренных через призму самоидентичности и самовосприятия их жителей. Благодаря такому обширному кругу тем сборник несомненно может быть интересен для исследователей самых разных областей истории Римской империи и ее восточных провинций.

Литература

1. *Ricl M.* 2009: Legal and social status of *threptoi* and Related Categories in Narrative and Documentary Sources // From Hellenism to Islam: Cultural and Linguistic Change in the Roman Near East / H.M. Cotton, R.G. Hoyland, J.J. Price, D.J. Wasserstein (eds.). Cambr.
2. *Scott J.C.* 2009: The Art of not Being Governed. New Haven–London.
3. *Waelkens M.* 1986: Die Kleinasiatische Türsteine. Typologische und epigrafische Untersuchungen der kleinasiatischen Grabreliefs mit Scheintür. Mainz am Rhein.

Evgeniia N. Andreeva
Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
aenik@yandex.ru

Е.Н. Андреева,
Институт всеобщей истории РАН

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 4, с. 263–268

Z. VARHELYI. The Religion of Senators in the Roman Empire: Power and the Beyond. Cambridge–New York, 2010. XII, 267 p.

Хорошо известно, что римская история характеризуется активной общественно-политической ролью самоорганизующегося истеблишмента. Нобилитет стал здесь не только воплощением римской консервативности, но и социальной базой инновационных тенденций в общественной и культурной жизни. Соответственно, определяющая роль в эволюции политического облика римского государства – той эволюции, которая привела к трансформации республики в империю, – именно знати, кажется, не вызывает сомнений. Вместе с тем, хотя изучение места нобилитета в политической системе Поздней республики – Ранней империи имеет давние традиции¹, роль и место религии в процессе выработки senatorской знатью своей коллективной идентичности до недавнего времени не были предметом специального исследования. Заполнить данный пробел призвана монография Жужанны Вархейи. Среди своих наставников автор, защитившая в 2002 г. диссертацию в Колумбийском университете, называет ряд известных антиковедов, в том числе У. Харриса и Г. Альфёльди (с. IX). Она преподавала в Венгрии, в Германии, в настоящее время работает в США, в Бостонском университете. Как заявляет Ж. Вархейи в самом начале своей работы, в ее книге «выясняется связь между политической и религиозной властью в языческой Римской империи через изучение senatorской религии» (с. I). Интересно, что предмет своего исследования – «senatorская религия» – автор нигде специально не поясняет, таким образом предлагая читателю самому разобраться в этом вопросе, исходя из общего контекста ее рассуждений.

Рецензируемая монография состоит из введения, шести глав, заключения, приложения, библиографии, указателя имен и общего указателя.

Сразу отметим, что монография Ж. Вархейи, в соответствии с традициями западных диссертационных работ, не содержит ни специального историографического раздела, ни структурно выделенного обзора источников.

В самом начале введения автор определяет задачу своего исследования, а также его хронологические рамки: «В этой книге я исследую связь между властью и религией в Римской империи посредством анализа религиозной деятельности и взглядов римского императорского сената, а также отдельных сенаторов в первые два с половиной столетия существования Римской империи, от эпохи Августа и до гибели Александра Севера» (с. 1). Здесь же автор сообщает о своей концептуальной установке, согласно которой религия в императорском Риме стала играть новую роль в отношениях между главой государства и сенатом, вследствие чего само понятие власти подверглось трансформации (с. 3).

Механизмы взаимодействия политической и религиозной сфер римской жизни, правда, на примере республиканских реалий, не так давно были изучены А.М. Сморгочковым². Что же касается со-

¹ См., например, Gelzer 1969, XII.

² Сморгочков 2012.